

Константин Леонтьев

Пембе

Константин Николаевич Леонтьев

Пембе

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2472155*

Аннотация

«...Имя твое, Пембе, есть цвет розы, самого прекрасного из цветов... <...>

Так, засветив лампу, писал ночью в своей приемной молодой албанский бей Гайредин.

Гайредин-бей был женат, а танцовщица Пембе приехала с своею теткой и с другими цыганами-музыкантами из Битолии.

Гайредину было тогда двадцать шесть лет, а Пембе шестнадцать...»

Содержание

I	4
II	13
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Константин Леонтьев

Пембе

Повесть из эпиро- албанской жизни

I

«Я долго лежал распростертый на ложе равнодушия.

Оно не казалось мне жестким, и никакие сны Эдема не сходили на хладную главу мою.

Но внезапно явилась предо мною девушка нежного возраста. Одежда ее была проста; однако и в ней она казалась прекрасною, как золотой сосуд, наполненный душистым напитком.

Обходя комнату искусными кругами, она уподоблялась молодой змейке, играющей в цветущих кустах.

Имя твое, Пембе¹, есть цвет розы, самого прекрасного из цветов.

Ты сладка и свежа, как зерна гранаты, облитые розовою водой и посыпанные сахаром.

Я не ищу ни долговечности, ни богатого содержания;

¹ Пембе – женское мусульманское имя значит *темно-розовая, малиновая*.

пусть жизнь моя будет кратка и содержание бедно; но чтоб я мог покойно веселиться с тобой.

Я молчу, Пембе. Пусть соловей громко поет о любви своей в садах персидских. Я не буду следовать его примеру. Я лучше буду нем как бабочка: безгласная, сгорает она на любимом ею пламени!»

Так, засветив лампу, писал ночью в своей приемной молодой албанский бей Гайредин.

Гайредин-бей был женат, а танцовщица Пембе приехала с своею теткой и с другими цыганами-музыкантами из Битолии.

Гайредину было тогда двадцать шесть лет, а Пембе шестнадцать.

Гайредин-бей был из старой дворянской² семьи Эпира: дом отца его и теперь стоит на горе в городе Дельвино; он обнесен стеной, в которой до сих пор видны бойницы для ружей. Село с селом, род с другим родом и семья с семьей вели еще недавно кровавые войны.

Мирный путник любит на веселый вид Дельвино, на зеленые холмы и белые жилища его, но бойницы чернеют едва заметными щелями в простых сельских стенах, и гордый дух албанского вождя еще дышит прежним удальством.

Албанец любит лишь войну, корысть и гостеприимство; еще недавно он одинаково был чужд и турку, и греку, и одинаково друг им, когда ему это было выгодно.

² У албанцев до сих пор существует нечто вроде феодальной аристократии

В личных делах албанский горец верен дружбе и слову; он любит кровь и месть и не боится смерти.

Его одежда прекрасна даже и в бедности, и поступь его изящна и легка.

Старый отец Гайредина, Шекир-бей, имел все лучшие свойства своих соотчичей, но не имел их злобы и корыстолюбия. Он был весел и добр; кормил без нужды огромную прислугу на три разные стола, потому что мусульмане не хотели есть с греками, а греки с мусульманами, и ни мусульмане, ни греки не хотели есть с цыганами, которых он тоже не гнал со двора.

Простодушное гостеприимство его славилось повсюду, и нищий находил у него в людской ночлег и пищу, точно так же, как бей и купец в его селамлыке³.

Когда его посещали христиане, он давал им полную свободу обращения: не сидел сам на диване неподвижно два часа, как делают другие старые турки, стесняя своею важностью усталых путников и гостей, которым хочется размять ноги. Нет! Он гулял по комнате, вставал и садился как хотел, и просил всех делать то же, говоря: «Что значит слово франк? Слово *франк*, я узнал от людей ученых, значит свободный человек, развязный человек. Вот в этом смысле и я франк. Свобода! Делай что хочешь в моем доме! Спи не спи, ешь не ешь... Сиди, ходи... Это значит – франк!»

Христиан он любил больше, чем любят их другие мусуль-

³ *Селамлык* – та часть дома, в которой принимаются чужие мужчины.

мане; в жизни его был один великий случай, от которого погроб не могло остыть доброе чувство.

Еще он был очень молод, когда отец его подарил ему в рабы прелестную сироту-гречанку, взятую в плен на островах во время борьбы за независимость Эллады.

Ей было всего четырнадцать лет, и звали ее Мариго. Когда Шекир, сам еще почти мальчик, остался с ней наедине, Мариго заплакала и, простирая к нему руки, сказала: «Господин мой, я твоя. У меня нет ни отца, ни матери; их убили; делай со мной, что хочешь. Только одно слово я тебе скажу. Пожалей ты меня, я боюсь!»

Шекир оставил ее в покое; потом уже ласками, подарками, братским участием он склонил ее к сближению. Раз преодолев свой детский страх, рабыня пристрастилась к Шекиру всеми силами души. Верований ее не касался никто: она продолжала ходить в церковь, и в посты ее кормили особо. Старые родители Шекира тешились и на доброту сына, и на ребяческий первый страх, и после на покорную привязанность маленькой гречанки. «Дети, малые дети!» – говорили, смеясь, друг другу отец и мать Шекира. Когда женили Шекир-бея на богатой девице, жизнь рабыни, конечно, стала хуже, но не надолго. Скоро пришлось ей щедро заплатить своему господину за его благодушие и любовь.

В сорок восьмом году восстала против султана вся южная Албания. Турки требовали от албанцев набора в султанское войско и податей, которые свободным горцам каза-

лись непомерными. Албанская знать не забыла еще, как изменнически расстрелял паша в Битолии возмущившихся Арсмана и Вели-бея, пригласив их туда примириться. Албанцы согласились все притвориться сначала покорными и выставить начальниками людей простых, но не менее их самих способных быть вождями. Кровавая борьба возгорелась около Дельвино, Аргирокастро и Янин. Бунтовщиков вел к победам простой селянин Гионни-Лекка⁴. Албанцы везде громили султанские отряды; но правильная сила взяла, наконец, верх над народным ополчением... Запертый сераскиром в Лапурье, Гионни-Лекка думал лишь о собственном спасении. Люди его один за другим покидали его. Сераскир решился тогда нанести удар мятежу. В Дельвино, в Берат, в Тепелен и в другие селения и чифтлики⁵ албанские ворвались турки и начали хватать и вязать богатых беев, которых давно подозревали в тайной помощи восставшим. Схватили Башьяр-бея, Тахир-бея, трех сыновей Тахир-абаза, Абдул-бей-Кокка; а в Дельвино не нашли старого деда Гайредина и взяли Шекир-бея, отца его. Жена Шекир-бея была в то время беременна; когда услышала она крики женщин, пальбу, страшные голоса солдат и плач детей, младенец умер в ней, а за ним умерла и она сама, без мужа и свекра, на ру-

⁴ *Гионни-Лекка*, разбитый, убежал в Фессалию; отдался сам турецкому начальству, был прощен, получил даже начальство над иррегулярным отрядом и служил долго после того туркам; убит в 52 году на войне против черногорцев.

⁵ *Чифтлик* – имение, собственное поместье; противопоставляется *вакуфу* (собственности мечетей и церквей) или *имляку* (государственной собственности).

ках Мариго. Шекир-бей и всех других албанских беев турки, связав, отправили в Царьград, где их ждала тюрьма, а может быть, и смерть. Похоронив свою госпожу, Мариго взяла на руки маленького Гайредина и поехала в Царьград. Там, выждав минуту, когда сераскир-паша выезжал верхом из ворот своих, она схватила его лошадь за узду и, подавая ему сына, сказала:

– Убей, паша, и нас, когда хочешь погубить отца его!

– Ты христианка? – спросил сераскир, которого поразили ее красота и отчаяние.

– Да, – сказала Мариго.

– Рабыня? – спросил сераскир.

– Да, – отвечала Мариго.

– Если ты христианка и рабыня, и любишь его так, и не ищешь своей воли, так я думаю, Шекир-бей хороший человек, и мы отпустим его.

Возвратившись в свое имение, Шекир-бей сказал Мариго:

– Теперь я вдов; пусть гнев Божий разразит меня, если я возьму когда иную жену, кроме тебя, Мариго... Ты будешь моя жена и моя радость. Ходи в церковь, а я буду ходить в мечеть; держи пост, а я буду держать Рамазан.

Так Мариго стала законною супругой Шекир-бея; а Гайредин и прежде был законным; дети рабы, по закону мусульманскому, дети того же отца, и обиды им нет никакой.

В 54 году, когда Гривас хотел освободить Эпир от турецкого ига, Шекир-бею пришлось послужить султану мечом.

Он не грабил и не жег христианских сел, подобно другим албанцам; он только с отрядом баши-бузуков принял участие в нападении Абди-паши на селение Коцильйо, в котором заперся Гривас, на двухчасовом расстоянии от Янины.

Шекир-бей первым заметил, что в тылу турецкого отряда спускается с гор врассыпную толпа паликаров, посланных греческим капитаном Зервою на помощь Гривасу. Абди-паша гордился и не хотел отступить, но Шекир-бей уговорил его, зная лучше местность, и небольшой султанский отряд был спасен.

Благодарил его султан и взял за это его сына в Константинополь на обучение.

Гайредин обучался там европейской вежливости; выучился хорошо по-турецки и по-персидски и немного по-французски; греческий же язык ему был как родной с детства. В Янине и настоящие турки по-турецки не знают, а говорят по-гречески.

Вызвал старый Шекир-бей сына в Дельвино и был рад его успехам, однако сказал:

— Не след тебе служить писцом при пашах; это дело царградских *пиштов*; пишут, пишут они, а Турция все несчастная, и все франки и русские в ней командуют. Ты живи здесь своими доходами, и я тебя скоро женю. А как султан обучать тебя велел и сделал человеком, так ты можешь ему и мечом послужить, как служил отец твой...

Гайредину сначала жалко было расстаться с Босфором,

с кайками, которые, как стрелы, мчась по тихому проливу, несут веселых людей, с гуляньями и музыкой, с театрами в Пере, с друзьями и с богатыми банями цареградскими. Но противоречить отцу он не мог, остался и привык.

Невесту нашел ему отец богатую. Звали ее Эмине, и она была по роду и родству еще знатнее Гайредина: одних баранов у отца ее Абдул-паши были тысячи...

Сам Абдул был уж стар, но еще бодр; почетное название паши он получил не по чину и долгой выслуге, а в один год за службу против Гриваса; он был жаден и жесток; один вид его был страшен; и рост, и дородство, и злые глаза навывате, — все в нем было, чтобы наводить ужас. Сколько сел христианских сжег и ограбил он, преследуя Гриваса! Сколько мирной крови пролил! Янинские турки говорили, что сабля его заговорена одним святым шейхом, удлиняется, когда Абдул прочтет молитву, и достигает издали бегущую жертву.

Дочь его, Эмине-ханум, жена Гайредина, ничуть на него не была похожа; она была тихая и добрая женщина.

Уже у Эмине было двое детей от Гайредина: мальчик Иззедин и девочка грудная, когда Гайредин-бей встретил Пембе на еврейской свадьбе.

Еврей Ишуа был самый богатый янинский банкир, и паши, и консул не пренебрегали его знакомством.

Гайредина он знал давно и не раз давал ему денег, а Гайредин всегда в срок уплачивал ему или из отцовских доходов или из женского имения.

Ишуа выдавал младшую сестру свою за молодого еврея, Марко, телеграфного чиновника Порты.

Свадьба была богатая, одни одеяла атласные, шитые знаменитым золотым янинским шитьем, стоили пять тысяч пиастров.

II

Незадолго до свадьбы Марко с сестрой Ишуа Гайредин-бей соскучился в своих горах и приехал один без жены и детей в Янину, где у него был свой дом с видом на озеро и на древнюю крепость, поросшую плющом.

В тот же день посетил его один грек, доктор Петропулаки. Он был знаком с ним еще в Константинополе, а когда Петропулаки, сам родом эпирот, переселился на житье в Янину, Гайредин-бей стал всегда прибегать к нему, когда кто в доме был нездоров. Они были очень дружны с Петропулаки.

Петропулаки был человек еще молодой и холостой; одевался он франтом; высокая шляпа его была по последней моде, и без перчаток он на улицу не выходил.

Доктором считался он знающим, воспитывался в Париже и Германии, приобрел много денег, несмотря на то, что Янина полна докторами, и любил повеселиться. Человек он был души не дурной и легко привязывался к тем, кого долго лечил; так полюбил он и семью Гайредина. Сверх того отец Гайредина, Шекир-бей, сделал много пользы родным докторам во время прежних беспорядков.

Когда Петропулаки пришел к бею, первое дело стал он упрекать его за фустанеллу.

– Сними ты этот варварский костюм! – сказал он ему. – Человек ты образованный, а одеваешься как простой.

Гайредин, краснея, отвечал ему, что он только в Дельвино «носит простую одежду», а что в Янине он одевается по-европейски.

Доктор с чувством приложил руку к сердцу и сказал, закрывая глаза:

– Я тебя люблю и уважаю, Гайредин-бей, и прошу тебя... переоденься скорее. Ты знаешь, я человек крайне нервный, и фустанелла раздражает меня, особенно в человеке такой хорошей фамилии и столь образованном, как ты...

Гайредин переоделся; вместо расшитой тончайшим золотым шитьем куртки с откидными рукавами, вместо пышной фустанеллы и красных чарух⁶ он надел серое пальто и брюки. Это платье было куплено им готовое у жида для представительности в Янине.

– Вот это дело другое, – воскликнул Петропулаки, – благодарю тебя за приязнь, бей-эффенди мой. Теперь я вижу пред собой человека, а не дикого зверя. Ты прости мне, я говорю это тебе, как другу; я и родные мои отцу твоему жизнью обязаны, быть может... Ни вы, албанцы, ни мы, греки, не пойдем вперед, пока последнюю фустанеллу не выбросит за окно мужик в самой отдаленной деревне. Посмотри, в Европе всякий хлебопашец так же одет, как консул или посланник... Все одно...

– Да, это, конечно, так, – отвечал Гайредин, – пора бы все эти закоснелые вещи бросить; я и в деревне ношу, потому

⁶ Весьма красивая обувь.

что, знаешь, народу это приятнее...

Поговорили они еще по-приятельски и собрались вместе на свадьбу к Ишуа, — доктор во фраке, белом галстуке и круглой шляпе, а Гайредин — в сером пальто и феске.

Свадьбы в Янине празднуют и евреи и греки ночью.

На еврейских свадьбах гости жениха собираются у жениха в доме и веселятся до полуночи, а в полночь с зажженными свечами идут в дом невесты. Выведут из внутренних покоев невесту; поставят ее вместе с женихом пред камнем, покроют их обоих белым покрывалом. Читается молитва; новобрачным дают пить вино; жених разбивает стакан о камень; мужчины кругом поют; к голове молодых прикладывают по несколько раз живого петуха... Обряд кончен, и шествие трогается опять с зажженными свечами по тихим улицам. Музыка играет впереди; дети поют, пляшут и кричат вокруг музыкантов. Толпа идет медленно; невесту поддерживают под руки, она должна быть слаба, потрясена, убита... Она не смеет поднять глаза на веселую толпу...

В доме молодого опять все поют, едят, поют и пляшут до рассвета...

На свадьбе сестры Ишуа все было так, как бывает у других, но все было богаче и веселее.

На свадьбе, кроме доктора и бея, был еще французский консул и многие богатые греки и евреи.

Гайредин-бей сидел на диване в зале, между французским консулом и доктором Петропулаки, когда хозяин дома подо-

шел к ним и спросил почтительно, не прикажут ли они плясать цингистрам.

– Как вам угодно, – отвечал французский консул.

И Пембе начала танцевать, звеня колокольчиками.⁷

Она плясала долго; выгибалась назад, кружилась и приседала, опять кружилась, и опять выгибалась назад как тростник... То шла медленно и скромно, нагибая бледную голову на сторону; то опять неслась, трепетала всем телом под звон меди и вдруг остановилась пред консулом, улыбаясь и звеня.

Консул дал ей наполеондор. Она остановилась пред беем, и Гайредин дал ей две лиры; доктор с досадой и презрением вынул пять франков.

– Какой варварский обычай! – сказал он Гайредину. – Как могли позволить этим побродягам просить деньги у гостей!.. Пригласить на свадьбу и грабить!..

– Нет! – отвечал Гайредин, которому Пембе уже понравилась немного, – зачем же у бедняков отнимать хороший случай...

– Что вы говорите, доктор? – спросил французский консул.

– Я ненавижу наше азиатство, наше здешнее варварство... – отвечал Петропулаки. – Что значит этот танец? Это может занимать каких-нибудь ремесленников или турецких

⁷ Строго говоря, танцовщицы, или, по-здешнему, *цингистры*, которые пляшут в Битолии и Янине, звонят не колокольчиками, а медными маленькими тарелочками, привязанными к пальцам.

солдат, а не нас... И вашему сиятельству вовсе не весело смотреть на такие презренные вещи после парижского кордебалета!..

– Нет, – отвечал французский консул, – я напротив того, люблю азиатские вещи. Европа мне надоела... Когда я служил в Алжире и делал сирийскую экспедицию, я почти всегда, когда мог, одевался по-арабски. В вашей стране мне многое нравится...

– Ваше сиятельство слишком добры, – отвечал Петропулаки.

– Кордебалет мне надоел, – продолжал француз, – а этот танец имеет сходство с испанскою качучей или болеро...

– Конечно, – возразил, склоняясь, доктор, – сходство с болеро поразительное, но надо видеть Фанни-Эльслер, а не эту несчастную Пембе...

– Фанни-Эльслер в последнее время была очень толста... Tandis que cette petite morveuse de Pembé me semble...

– Не отрицая ее грации, я только говорю, что эти бледные лица не в моем вкусе.

– Это дело вкуса, – сказал консул. – Вы доктор и, конечно, материалист, а я люблю девушек таких, как эта Пембе, – бледных, болезненных и воздушных... Поди сюда, мое дитя... вот тебе еще деньги, купи себе хорошее платье и новый тамбурин... Ah! la pauvrete! Elle est bien heureuse maintenant.

Доктор сказал консулу, что у него, должно быть, предоброе сердце.

– Vous le croyez? – спросил консул с презрением.

Гайредину было очень приятно, что такой просвещенный человек, француз и консул, хвалит Пембе. После этих похвал танцовщице и всему азиатскому он стал смелее.

Консул вскоре удалился. Гости пошли за невестой и привели ее.

После консула Гайредин был выше всех по званию. По его предложению, хозяин опять заставил плясать Пембе, которую отправили вниз есть со слугами. Когда она кончила и почтительно присела наземь пред ним, прикладывая руку ко лбу, он дал ей еще несколько золотых.

Уже стало светать, и с гор над Яниной подул прохладный ветерок, когда Гайредин-бей сел на лошадь, которую подвел ему его молодой араб.

Проезжая по двору, он в толпе слуг и гостей увидал Пембе; она сидела, пригорюнившись, на камне, и при утреннем свете лицо ее показалось бею еще бледнее и грустнее.

III

Месяца три Гайредин-бей не видал Пембе. Он жил в своем имении, сбирал деньги с селян, шутил с маленьким Иззедином (без ума любил он своего сына), ласкал свою жену. Поднимался с гор утренний ветер, он вставал, пил воду с вареньем, бил в ладоши, и араб приносил ему наргиле под деревянный навес балкона. Жарче и жарче грело солнце к полудню обнаженные холмы; громче и громче пели тысячи цикад на высоких дубах, и дальние села утопали в знойном воздухе долин.

Наставал обед, и сон приходил своим чередом. Добрая жена вставала, когда молодец муж входил в гарем; она спрашивала его покорно: «что угодно тебе, господин мой?» Д когда муж просил ее сесть и обращался к ней с ласковою речью, добрая душа ее веселилась, и светлее становились очи. И она уже не рабой законной, а милой подругой говорила ему: «Что ты мало ешь, мой дорогой, моя душка! кушай, кушай на здоровье, ягненок ты мой, очи ты главы моей...»

А Гайредин, вздохнув вздохом счастья, отвечал ей, привлекая ее на грудь свою, «Ты, султанша моя, на радость да на мне Богом. Про тебя сказал пророк: «там юные девы будут глядеть скромными очами, девы, которых прелестей не осквернял никогда ни человек, ни дух, созданный из чистого огня. Они будут подобны гиацинту и жемчугу».

Старый Шекир-бей любовался на них; приезжал не раз и тесть Гайредина, Абдул-паша, на лихом жеребце, с двадцатью молодцами. Кто пеший, кто на коне, все на подбор красовались за ним, во всю дорогу пели песни о том, как Гривас вышел в Эпир и как с ним и с его греками бились албанские мусульмане...

Долго бы так прожил Гайредин-бей и не увидел бы долго Пембе, если бы чрез три месяца не выбрали его в члены большого идаре-меджлиса⁸, который со всего вилайета соби-рался в Янину судить вместе с пашой о делах.

Когда в Янину представили списки всех мусульман и немусульман, которых жители прочили в это присутствие, паша не совсем был доволен тем, что нашел в них имя Шекир-бея, «Не по сердцу мне эта албанская голова упрямая!» – сказал он; а вычеркнуть его имени из списка не хотел... Однако слова эти слышали люди, и они дошли до Шекир-бея; Шекир-бей сказал сыну:

– Пускай лучше тебя занесут в списки. Ты человек молодой и лучше моего обойдешься с ними; а я вместе с пашой народ обманывать не хочу. Мне дороги не нужны, я и без дорог проживу хорошо. А им нужны дороги, чтобы войска водить на греков и на нас, если которые из нас вспомнят о старой свободе албанской. Пусть отрывают народ от работ полевых и гонят камни ломать, дорог они хороших не построят; придет осень, побегут ручьи, и вся дорога их грязью ста-

⁸ *Идаре-меджлис* – административный совет нового устройства.

нет, по которой лошадям труднее будет ходить, чем по камням; а народ от работ оторвут, и будет селянин проклинать опять власть султана; и восстанет опять, когда тот, кому следует, скажет ему: «восстань!» А мы, албанские толстые головы, опять за него будем биться и жен, и детей наших сиротами оставим.

Когда узнал народ, что не старик поедет в Янину на совет, а Гайредин, многие пожалели. Иные, не только из албанцев, но и христиане говорили: «что Гайредин!»

А другие сказали: «что Гайредин, что старик, все равно. Люди они оба хорошие; а житья нам лучше не будет, сколько советов ни собирай».

А сельский учитель, грек, который прожил три года в Афинах, сказал деревенским грекам еще хуже:

– Гляжу я на вас и дивлюсь, какие вы все варвары, деревенские люди! Кажется, как бы не просветиться вам: скоро во всем Эпире не будет ни одного безграмотного грека; деревни ни одной нет без школы... Знайте вы, чем хуже для вас, тем лучше! Такие беи, как Шекир-бей и Гайредин, для вас хуже всякого врага; потому что они честные и добрые люди, а вам нужны изверги, вам пытка нужна, чтобы в вас кровь заиграла и чтобы вы людьми стали. Добрый бей, честный паша – великое несчастье для греков!

Крестьяне над его словами задумались, и один старик сказал:

– Не бойся, учитель, и мы люди! И мы знаем, что мы гре-

ки, и с турками не помирят нас ни Гайредин, ни Шекир-бей. А время наше не пришло, ты сам это знаешь...

В идаре-меджлисе нашлось много дела: распределение новых податей; разбор жалоб крестьян на беев и беев на крестьян, или жалоб крестьян на жидов и богатых греков, которые в последнее время скупили у иных беев *чифтлики*; рассуждения о том, где начать проводить дороги по ущельям и стремнинам гористого вилайета; турки янинские жаловались, что правительство не заводит им гимназии.

– Нам нужны прежде всего языки, – говорили богатые беи, – нам нужен турецкий язык, которого мы не знаем: это язык правительства, девлета⁹; нам нужен греческий язык: это язык здешних жителей; нам нужен французский: это язык европейского просвещения... Мы во всем отстали от греков. У греков были благодетели, которые разбогатели в России и Молдавии и завещали им миллионы на устройство школ в Эпире, а за нас кому же думать, как не падишаху? Но падишах не думает о нас; он строит себе дворцы.

– Падишах стал гяуром, – отвечали на это беям улемы. – Падишах празднует день своего рождения, как неверные короли. Всеми делами правят хитрецы Фуад и Аали-паша... Уж, слышно, жен и дочерей наших стали считать и записывать в списки их имена. В Эдирне-вилайте¹⁰ уж сделали это, и ни одна собака не решилась стать на пороге своего дома и

⁹ *Девлет* – государство.

¹⁰ *Эдирне* – Адрианополь.

обнажить меч на защиту святыни своего гарема.

Умы были давно в волнении; в Крите греки уже подняли знамя восстания; в народе ходили ложные слухи о том, что русские уже двинули несметные войска к Дунаю, что сербский князь скоро нападет на Боснию, что Черногория готова к бою, будто Франция помогает России и увозит на своих пароходах семьи греков из Крита, чтобы легче и успешнее было грекам лить мусульманскую кровь.

«И тут гяур, и здесь гяур!» – говорили турки. «Приходит конец царству правоверных, и Врата Блаженства (Царьград) скоро будут отверсты для свирепых псов Московии!»

Вздыхали радостнее старые греки в неприступных селах горных округов и, поднимая глаза к небу, говорили: «Да здравствует Россия, надежда наша! Да здравствует единственный столб православия в мире! Россия дала нам не только свою поддержку, она спасет нас, несчастных, от турка!»

Старуха, слушая мужа, шептала молитву Божией Матери, а сын, молодой *паликар*, сверкая очами, уже хватался за рукоятку ятагана.

Албанцы одни из всех жителей Эпира оставались непроницаемы; необузданная, молодецкая воля ждала молча слова богатых дворян, вождей своих, и вымолви вожди это слово, без разбору полилась бы и христианская, и турецкая кровь...

– Пойдешь со мной на султана в Константинополь? – сказал когда-то один грек своему знакомому албанцу.

– В ад пойду! – отвечал албанец, обнажая нож, – скажи

только, сколько лир золотых ты мне дашь за это?

В такое-то трудное время пришлось Гайредину заседать в идаре-меджлисе янинском.

Феим-паша, черкес, председавший сам в этом совете, был человек блестящего ума и высокого светского воспитания. Он был не раз послом при европейских дворах, имел ленты Св. Анны, Почетного Легиона и Меджидие. Жизнь его была исполнена событий. Рожденный в глухом кавказском ауле, он был продан родными за тысячу пиастров одному могущественному паше, который сражался в 20-х годах в Греции, был разбит, взят в плен греками и отпущен ими с отрезанными ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.